

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЯЗЬ

Книга 8

47

Павлов

и замок

Митавский замок

47

47

47

ПАВЛОВСКИЙ
СКИТАЛЕЦ

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз
Павловский скиталец

«Автор»

2026

Карадениз М.

Павловский скиталец / М. Карадениз — «Автор», 2026

Блокадный Ленинград, январь 1942 года. Из подвала Павловского дворца исчезает старинный секретер — подарок императора Павла Первого своей супруге. Охранник мёртв, на стене кровью выведено загадочное послание. Капитан НКВД Алексей Ухтомский получает приказ разобраться. Но обычная кража превращается в охоту за тайной, которую хранили почти полтора столетия. За пропавшей мебелью следят немецкие агенты, британская разведка и «Комитет» — структура выше всех спецслужб. Внутри секретера скрыто нечто, способное изменить ход истории. Восемьдесят лет спустя правнучка Ухтомского, искусствовед Анна, находит в архиве запись: «Дело 47-П. Павловск. Не дописал». Теперь ей предстоит пройти путём прадеда — от петербургских архивов до лондонских антикварных салонов. Кто охотится за секретером сегодня? И что будет, если правда выйдет раньше срока? «Павловский скиталец» — восьмая книга цикла «Ленинградская вязь».

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ. «Полночь в Михайловском»	6
ЧАСТЬ I. «ТАЙНИК ИМПЕРАТОРА»	10
ГЛАВА 1. «Исчезновение»	10
ГЛАВА 2. «Блокадные перекупщики»	13
ГЛАВА 3. «Старая княгиня»	17
ГЛАВА 4. «Стул из Эрмитажа»	21
ГЛАВА 5. «Последний	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Павловский скиталец

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ. «Полночь в Михайловском»

Время: 11 марта 1801 года, 23:30

Место: Санкт-Петербург, Михайловский замок, библиотека

1801 | Иван Львович Горич

В библиотеке пахло воском и страхом.

Иван Горич знал этот запах. Так пахло перед казнями в крепости, когда он ещё служил при дворе Екатерины. Но тогда страх был чужим, казённым, исходил от приговорённых, которых он, молодой камер-лакей, провожал в последний путь. Сейчас — своим собственным. Липким, холодным, поднимающим волосы на загривке.

Он стоял у дубового секретера павловской работы, сжимая в пальцах маленький бронзовый ключ, и слышал, как за дверью гулко отбивают шаги караульные. Смена. Каждый час. Император требовал, чтобы в замке было не менее тысячи солдат. А сам не доверял ни одному. Ни тем, кто стоял у ворот. Ни тем, кто нёс службу в коридорах. Даже тем, кто подавал ему ужин.

Император Павел Петрович только что вышел. Сказал: «Горич, ты мне верен?» Горич кивнул, не поднимая глаз. «Тогда спрячь это так, чтобы никто не нашёл. Даже сыновья. Даже цари».

И ушёл. В спальню. К смерти.

Горич разжал ладонь. На коже остался отпечаток бронзовой розетки — ключ был вырезан в форме миниатюрной печати с вензелем Павла. Такие ключи делали только в одном месте — в Тайной канцелярии при Екатерине, но Павел забрал их себе, когда взошёл на престол. Он не доверял никому. Даже тем, кто клялся в верности. Даже тем, кто служил ему двадцать лет.

Горич вспомнил, как Павел отбирал эти ключи. Семь штук. Для семи тайников в разных углах замка. Один из них — этот, для библиотечного секретера. Павел собственноручно запер каждый замок, потом положил ключи в шкатулку и запечатал личной печатью. «Ключи умрут вместе со мной», — сказал он тогда. Но один ключ Горич успел подменить за час до убийства. Настоящий — в кармане. Поддельный — лежал в шкатулке, ожидая, когда его найдут заговорщики.

Секретер был невелик — три фута в высоту, инкрустированный карельской берёзой и палисандром. Восемь ящичков, каждый с отдельным замком. Двойное дно. Потайная панель в задней стенке, открывающаяся только если нажать на правую ножку-львиную лапу. Павел сам придумал эту конструкцию. Показывал Горичу полгода назад, в иной, ещё спокойный вечер, когда никто не шептал о заговоре, когда дворец не казался мышеловкой.

— Ты знаешь, почему я строю этот замок? — спросил тогда император, обводя рукой ещё свежие стены Михайловского. — Потому что я хочу умереть там, где родился.

Он родился в Летнем дворце Елизаветы Петровны. Но Летний снесли. Михайловский построили на его месте. Архитектор Баженов говорил, что замок будет неприступен. Павел верил. Горич не верил никогда. Потому что знал: нет такой стены, которую нельзя проломить. Нет такого засова, который нельзя сбить. Если враг внутри, никакие укрепления не спасут. А враг был внутри. Горич видел их лица за ужином. Пален. Беннигсен. Зубов. Они улыбались императору и точили ножи под скатертью.

Сейчас он открыл заднюю панель секретера — та бесшумно отошла в сторону. В нише лежала шкатулка из тёмного дерева, перетянутая чёрной лентой. Горич вынул её, положил на полированную крышку стола. Лента поддалась не сразу — узёл затянули на совесть. Под крышкой обнаружились две вещи.

Первая — стопка писем. Восемь листов плотной гербовой бумаги, сложенных вдвое. Горич не читал — знал, что там. Павел показывал ему черновики. Письма к жене, Марии

Фёдоровне, где император перечислял имена заговорщиков. Граф Пален, которого он сам же назначил военным губернатором Петербурга. Беннигсен, немец на русской службе. Зубовы — три брата, которых он приблизил, а потом унизил. Их поддерживает английский посол. Они получают деньги из Лондона. «Они убьют меня, — писал Павел. — Но я не уеду. Империя не может показать страх».

Горич тогда спросил: «Почему вы не арестуете их, ваше величество?»

Павел усмехнулся. Устало, почти безнадежно. «Потому что я не знаю, кому верить. Арестуешь одного — на его место встанет другой. А может, они и не все. Может, среди моих приближенных есть те, кто ждёт только сигнала». Он помолчал и добавил тихо: «Я окружён, Горич. Я знаю это. Но я буду императором до конца. Даже если этот конец — сегодня ночью».

Вторая вещь была страннее. Маленький перстень с тёмно-зелёной печаткой. На печатке была вырезана эмблема — ветка полыни и латинская буква «Р». Горич знал, что это значит. Павел показывал ему этот перстень неделю назад, в кабинете, где обычно работал над шифрами. Тогда император был спокоен, почти весел. Словно уже всё решил и принял.

— Это ключ к шифровальной машине Баженова, — сказал тогда император. — Садись, Горич. Ты должен знать то, чего не знает никто из живущих.

Он достал из сейфа свёрнутый в трубку лист ватмана. Развернул. Горич увидел чертёж — сложную систему шестерён, дисков с буквами, рычагов и пружин. Баженов называл это «кабинетом секретной переписки». Павел назвал проще — «машина, которую нельзя прочесть без ключа». Чертёж был испещрён пометками, цифрами, стрелками. Горич не разбирался в механике, но понял главное: эта машина могла зашифровать любое сообщение так, что никто в мире не прочитал бы его без перстня-ключа.

— Англичане боятся этого, — сказал Павел. — У них лучший флот, лучшие шпионы, но у них нет такой машины. Если чертёж попадёт к ним, они сломают любой шифр в мире. Если останется у нас — мы будем читать их письма, а они наши — никогда. Это оружие, Горич. Оружие страшнее пушки.

— Почему вы показываете это мне?

Павел усмехнулся снова, но на этот раз в усмешке сквозила горечь. — Потому что сегодня ночью меня, возможно, убьют. А ты единственный, кому я верю. Спрячь чертёж. Спрячь письма. Спрячь перстень. Никому не отдавай. Если я выживу — вернёшь. Если нет — передашь тому, кто продолжит моё дело.

Горич поклялся. Он поцеловал императорскую руку, как делал это тысячи раз, но в тот вечер поцелуй был другим — прощальным. Павел погладил его по голове, как когда-то, в детстве, когда Горич только начинал служить. «Ты был мне верен, Иван. Спасибо тебе. Спасибо за всё».

Сейчас, стоя у секретера в пустой библиотеке, Горич слышал, как в спальне императора хлопнула дверь. Кто-то крикнул. Потом ещё один голос. Потом — тишина.

И выстрел.

Горич вздрогнул, но не двинулся с места. Руки работали быстро, почти механически — он уложил письма и перстень в шкатулку, закрыл крышку, перетянул новой лентой (взял из ящика стола, приготовил заранее). Шкатулка вернулась в тайник. Задняя панель встала на место. Горич провёл пальцем по стыку — гладко, незаметно. Потом закрыл секретер на все восемь замков, проверил каждый ключом.

Мысль о сыне ударила внезапно. Митя. Ему всего двенадцать. Спит сейчас в каморке при конюшне, ничего не знает. Горич не успел попрощаться. Не успел сказать, что любит. Не успел передать ему то, что должен был передать.

В коридоре затопали сапоги. Много сапог. Горич знал этот звук — заговорщики пошли добывать. Не просто убить — уничтожить, чтобы даже тени не осталось. Он слышал крики, мат, звон разбитой посуды. Кто-то закричал: «Бейте его! Бейте!» Потом — тишина.

Он выскользнул из библиотеки через потайную дверь за шкафом. Её тоже придумал Баженов — узкий лаз, соединявший библиотеку с восточной галереей. Павел приказал заложить его кирпичом, но Горич тайно расчистил. На всякий случай. Сегодня этот случай настал.

Лаз вёл во двор. Горич выбрался наружу как раз в тот момент, когда из окна спальни выпал подсвечник. Он пригнулся, прижался к стене. Над головой, на втором этаже, мелькнули тени. Кто-то смеялся. Голос графа Палена Горич узнал бы из тысячи.

— Император мёртв, — сказал Пален кому-то в темноте. — Да здравствует император Александр.

Смех повторился. Горич двинулся к конюшне, стараясь ступать бесшумно. Он знал, что Пахом уже запряг сани. Значит, секретер уехал. Значит, главное сделано. Оставалось только самому уйти — но не успел.

Из-за угла вышли двое. В тусклом свете факелов Горич увидел мундиры — не русские. Тёмно-синий с золотыми пуговицами, белые панталоны, высокие ботфорты. Британская военная форма. Здесь, в сердце Петербурга, в ночь убийства русского императора.

— Это он? — спросил один, повыше.

— Он, — ответил второй, пониже, и Горич узнал его. Томас Уитли. Британский агент, которого император Павел подозревал в организации заговора. — Камердинер его величества. Знает о секретере.

Высокий шагнул вперёд. Горич увидел блеск клинка и понял всё. Не успел ни закричать, ни позвать на помощь. Удар пришёлся в живот — короткий, точный, профессиональный. Горич упал на колени, зажимая рану руками. Кровь хлынула сквозь пальцы, тёплая, липкая, заливая шинель.

— Где секретер? — спросил Уитли, наклоняясь.

Горич поднял глаза. Уитли смотрел на него без ненависти, даже без интереса. Просто выполнял работу. Холодно, спокойно, как мясник, режущий тушу.

— Ищите, — прошептал Горич. — Всю жизнь будете искать.

Уитли выпрямился. Кивнул высокому. Тот ударил ещё раз — в грудь, на этот раз наверняка. Лезвие пробило лёгкое. Горич упал на спину, глотая воздух, который не мог вдохнуть.

Падая, он увидел, как из дверей замка выносят тело императора, завернутое в шинель. Павел был ещё жив? Или уже нет? Горич не понял. В глазах темнело, мир сужался до маленького пятна света.

Последнее, что он увидел перед тем, как сознание покинуло его — Уитли достал из кармана платок, вытер руки и бросил его на лицо умирающему.

— Обыщите замок, — сказал агент высокому. — Секретер не может исчезнуть. Павел что-то спрятал. Найдите это до рассвета. Иначе Лондон спросит с нас.

Горич успел улыбнуться. Кровавой, мокрой улыбкой, которая, наверное, выглядела страшно.

Они не найдут. Потому что секретер уже ушёл из замка. За час до убийства Горич отдал его Пахому, старому конюху, с наказом: «Вези в Павловск. Спрячь в подвале дворца. Никому не говори. Если я не вернусь через три дня — заведи себе. Но передай потомкам. Правда не должна умереть».

Пахом клялся своей лысой головой, хрипел, плакал, но кивнул. Горич верил ему. Больше некому было верить. Сын — ещё ребёнок, жена умерла от чахотки. Только Пахом, старый солдат, который нянчил Павла в детстве и помнил его живым, здоровым, не тронутым безумием страха.

Горич закрыл глаза.

Над Михайловским замком занимался холодный мартовский рассвет. Империя получила нового императора. А Горич — могилу без креста, во дворе, где его тело пролежало до утра, пока кто-то не приказал убрать. Убрать — значит сбросить в ров с нечистотами и забыть.

Но секретер уехал в Павловск. Пахом сделал своё дело. Спрятал в подвале дворца, заколотил досками, завалил хламом. И ждал. Ждал три дня, неделю, месяц. Горич не вернулся. И Пахом понял — не вернётся никогда. Но клятву держал до самой смерти, которая настигла его через десять лет, в другой век, при другом императоре.

Правда осталась в секретере.

И ждала.

Сто сорок один год.

ЧАСТЬ I. «ТАЙНИК ИМПЕРАТОРА»

ГЛАВА 1. «Исчезновение»

Время: 15 января 1942 года, 10:00

Место: Ленинград, Павловский дворец

Блокада | Алексей Ухтомский

Снег падал на Павловский дворец так, словно пытался похоронить его заживо.

Белые хлопья кружились в воздухе, оседали на статуях, на крышах, на замёрзших прудах. Парк казался мёртвым — ни звука, ни движения. Только редкие выстрелы с фронта, доносившиеся оттуда, где линия обороны прижималась к Пушкину. Фронт был в тридцати километрах, но война чувствовалась здесь, во дворце, в каждом скрипе половиц, в каждом сорванном замке.

Алексей Ухтомский стоял у входа в бомбоубежище и смотрел, как санитары выносят тело. Охранник — молодой парень, из нестроевых, с нашивкой ВОХР — лежал на носилках с неестественно вывернутой головой. Шея была сломана. Одним ударом. Профессионально. Алексей знал такие травмы — их оставляли люди, привыкшие убивать быстро и без лишнего шума.

— Кто нашёл? — спросил Алексей у коменданта Павловска, лейтенанта Грекова.

— Утром, обход, — Греков говорил глухо, кутаясь в шинель. На воротнике — иней, под глазами — тени. Он не спал всю ночь, это было видно. — Лежал у входа в хранилище. Дверь была открыта настежь.

— Что пропало?

Греков выдохнул. Дым изо рта смешался с паром от дыхания. Мороз был под тридцать, и любое слово вылетало облачком пара, словно сам воздух не хотел говорить о случившемся.

— Секретер павловской работы. Ореховое дерево, инкрустация карельской берёзой. И два стула с золочёной резьбой. По описи — подарок Павла Первого жене, Марии Фёдоровне. Вы знаете, Ухтомский, я не спасатель. Я комендант. Моя задача — чтобы дворец не сгорел и не разбомбили. Чтобы ценности, какие есть, не растащили свои же. А тут такое.

— Свои?

— А кто? Немцы за тридцать километров. Линия фронта под Пушкиным. Не могли же они прийти ночью, взломать замки, убить охрану и уйти с мебелью через позиции наших войск?

Алексей не ответил. Он уже спускался в бомбоубежище.

Подвал дворца приспособили под хранение ещё в первые дни войны. Сюда свозили самое ценное из Павловска, Пушкина, Гатчины — то, что не успели эвакуировать в тыл. Ящики с фарфором, картины в рулонах, бронза, мраморные бюсты. Всё это кое-как упаковали, заколотили досками и оставили здесь, надеясь, что немцев остановят.

Не остановили. Фронт подошёл вплотную. И теперь каждый день мог стать последним для дворца.

Помещение было сырым, с низким сводчатым потолком, из-под которого свисали редкие лампочки — тусклые, на грани видимости. Вдоль стен громоздились ящики с музейными ценностями, некоторые были вскрыты, другие стояли нетронутыми. Пахло плесенью, мазутом и чем-то ещё — сладковатым, приторным. Алексей узнал этот запах. Так пахла кровь, если её долго не убирать.

Он прошёл вглубь, туда, где, по словам Грекова, стояли пропавшие вещи. Пол был усыпан щепой — кто-то взламывал ящики не аккуратно, а грубо, топором. Алексей присел на корточки, осмотрел следы. Трое, может четверо. Один — с большим весом, продавил глубже, оставил чёткий отпечаток армейского ботинка. Двое легче — возможно, в гражданской обуви. Четвёртый тащил что-то тяжёлое — волочил, судя по полосе, оставленной на цементе.

— Они не выносили мебель поодиночке, — сказал Алексей, поднимаясь. — У них была машина. Скорее всего, грузовик. Подъехал к служебному входу, загрузили и уехали.

— Ворота закрыты. Пост у входа ничего не видел.

— Значит, пост подкуплен или запуган. Я проверю.

Он обернулся к стене, где Греков указал на надпись. Кирпичная кладка, неровная, старая. И поверх неё — несколько слов, выведенных чем-то красным. Алексей наклонился. Кровь. Ещё не до конца засохшая — на морозе она схватилась коркой, но под слоем сохранила тёмно-алый цвет.

Он прочитал вслух:

— «Всё продано. Спросите у фарфоровых».

Греков пожал плечами.

— Чепуха какая-то. Может, диверсанты? Немецкие парашютисты?

Алексей выпрямился. Фарфоровые. Он уже слышал это словосочетание. Двадцать лет назад, в Петрограде, когда только начинал работать в ЧК по особо важным делам. Дело № 47-А. Фарфоровый голод. Тогда кто-то тоже оставил похожую надпись — «Спросите у тех, кто ест из золота». Дело вели лучшие сыщики, но так и не раскрыли до конца. А через год его закрыли по личному распоряжению из Москвы.

— Немцы здесь ни при чём, — сказал он твёрдо. — Это свои.

— То есть?

— Это почерк местных, ленинградских. Я таких надписей за войну посмотрелся. Диверсант оставил бы немецкий текст или ничего. А это — своя, понятная только тем, кто в курсе. Кто-то из блокадных перекупщиков. Они работают по всему городу, скупают ценности за хлеб и пайки, переправляют за кольцо.

— Вы думаете, они украли мебель? Зачем им стулья? Их же на хлеб не обменяешь.

— Не на хлеб, — поправил Алексей. — На эвакуацию. На золото. На жизнь. Предметы старины уходят за кольцо блокады, к немцам, через перекупщиков. А там — консервы, лекарства, валютные переводы. Это большой бизнес, Греков. И в этом бизнесе убивают. Вы посмотрите на охранника — шея сломана профессионально. Не хулиганы, не мародёры. Люди, которые умеют убивать без оружия.

Алексей ещё раз обошёл хранилище по периметру, внимательно осматривая каждый угол. У дальней стены он заметил то, чего не увидел сразу — на полу валялся окурочок. Папироса. Дорогая, импортная. Такие не купишь на блокадном пайке. Он поднял его, понюхал. Американский табак. «Честерфилд».

— Они курили здесь, — сказал он. — Стояли, курили, смотрели, как выносят вещи. Наглые, уверенные в себе. Не боялись, что их застанут. Знали, что пост подкуплен.

Греков побледнел.

— Я разберусь с постом.

— Разберитесь. Но сначала — опись. Полная. Каждый ящик, каждую картину. Если что-то ещё пропадёт — вы ответите не перед комендатурой, а перед Смольным. А Смольный, сами знаете, шутить не любит.

Алексей вышел из бомбоубежища. Снег всё так же падал, превращая парк в белое море. Он закурил — папиросу из чёрного кисета, последнюю, смятую, с надорванной гильзой. Руки не дрожали, но внутри всё клокотало. Дело № 47-А. Фарфоровый голод. Он тогда был молод

и верил, что раскроет всё. Не раскрыл. Дело спустили на тормозах, а свидетели вдруг исчезли или замолчали.

Сейчас история повторялась. Только вместо фарфора — мебель Павла Первого. Вместо 1922 года — 1942-й, блокада, голод, смерть.

Греков стоял рядом, переминался с ноги на ногу.

— Что теперь, товарищ капитан?

— Я звоню в Смольный. Докладываю начальству. А вы делаете опись. И ещё — найдите мне список всех, кто работал во дворце за последний месяц. Сторожа, смотрители, реставраторы. Всех, кто мог знать о ценностях.

— Думаете, среди них?

— Думаю, что секретер сам себя не вынес.

Алексей пошёл к машине. Полупорка стояла у входа, чадила мотором. Шофёр, молодой парень по кличке Ёж, дремал за рулём — отъелся на блокадных пайках, спал на ходу.

— В город, — сказал Алексей, хлопнув дверцей. — На Лиговский.

Ёж встрепенулся.

— Там опасно, товарищ капитан. Район не наш.

— Везде не наш, — ответил Алексей, закрывая глаза. — Везде война.

Машина тронулась, утопая в снегу. Павловский дворец остался позади, серый, заснеженный, похожий на призрак. Алексей смотрел в окно и думал.

Секретер Павла Первого. Два стула. Убитый охранник. Надпись кровью. И американские папиросы на полу бомбоубежища.

Что-то связывало всё это. Он чувствовал — как нить, которую нужно ухватить, чтобы распутать весь клубок.

Он достал блокнот. На первой странице был список дел, которые он вёл за последние полгода. Три закончено. Два — приказано забыть. Этот станет четвёртым. Или прикажут забыть — или он дойдёт до конца.

Алексей открыл чистую страницу и написал: «Серафим Каган. Лиговский проспект, чёрный рынок. Установить наблюдение. Взять с поличным при первой возможности».

Захлопнул блокнот.

Полупорка тащилась по обледенелой дороге, и ветер выл в щелях проржавевшей кабины. Впереди, в серой пелене, угадывались очертания города. Ленинград умирал, но кто-то продолжал убивать ради мебели. Алексей не понимал этого. И не хотел понимать.

Он хотел только одного — найти секретер.

Потому что что-то подсказывало ему: внутри этой старинной мебели спрятано нечто большее, чем просто дерево и резьба.

Там — правда.

А правду он искал всю жизнь.

ГЛАВА 2. «Блокадные перекупщики»

Время: 16 января 1942 года, 14:00

Место: Ленинград, Лиговский проспект, чёрный рынок

Блокада | Алексей Ухтомский

Лиговский проспект в январе сорок второго выглядел как лицо мертвеца — опухшее, серое, с провалами глазниц-витрин.

Алексей шёл пешком. Машину оставил за два квартала, велел Ежу ждать и не высываться. В этом районе полуторка с военным номером привлекала не больше внимания, чем танк на панихиде. Здесь правила были другие — не прописанные ни в одном уставе.

Он пересёк улицу, обогнул груды колотого льда, сваленного у тротуара. В воздухе пахло дымом, горелой проводкой и ещё чем-то сладковатым, тошнотворным — столовская позади дома выдавала баланду из обойного клея. Люди ели это. И платили за это последним.

Чёрный рынок разместился в полуподвальном помещении бывшего гастронома. Дверь была обита войлоком, чтобы не выпускать тепло, но тепло всё равно не держалось — стены промёрзли насквозь, и посетители толкались в шинелях, ватниках, телогрейках, не снимая. Внутри горела одна керосиновая лампа, дававшая больше копоти, чем света.

Алексей вошёл, не скрывая оружия. Пистолет в кобуре, пристёгнутый к поясу поверх шинели, работал как пропуск. Те, кто шёл сюда торговать, предпочитали не задавать вопросов человеку в форме капитана госбезопасности.

Внутри рынок жил своей, особой жизнью. Вдоль стен на разложенных мешках и ящиках лежал товар — куски хлеба, завёрнутые в газету, банки с американской тушёнкой (откуда она здесь, в блокадном Ленинграде, Алексей предпочёл не думать), пачки папирос, бутылки с мутной жидкостью, похожей на самогон. Дальше — вещи: шубы, часы, иконы в окладах, фарфоровые статуэтки, серебряные ложки. Люди меняли прошлую жизнь на будущую. Продавали память, чтобы выжить сегодня.

Здесь были и те, кто пришёл по нужде, и те, кто наживался на чужой беде. Алексей различал их с первого взгляда. Первые — с пустыми глазами, вторые — с цепкими, оценивающими. Вторых было меньше, но они правили бал.

— Мне нужен Каган, — сказал он низкорослому парню у входа. Тот закосил глазами, попятился, растворился в полумраке.

Через минуту появился другой. Невысокий, плотный, с лицом, напоминающим испечённую картофелину — в складках, морщинах, с глубоко посаженными глазами. На нём была непомерно большая овчинная шуба, из-под которой торчали офицерские галифе. Серафим Каган. Алексей знал его по фотографии из архива — и по старым делам. Каган всплывал в материалах о янтарной комнате, о фарфоровых сервизах, вывезенных из пригородов. Никогда не был арестован — всегда ускользал.

— Товарищ капитан, — Каган говорил с лёгким акцентом, растягивая гласные. — Чем могу? У нас здесь всё честно. Обмен, бартер. Никакого криминала.

— Сними, — сказал Алексей. — Я не в уголовный розыск пришёл.

Каган прищурился. Окинул Алексея взглядом опытного торговца, оценивающего товар. Форма, кобура, лицо — не рядовой опер, не вышибала из НКВД. Свой. Или почти свой.

— Разговор есть, — сказал Алексей, кивая в глубину помещения. — Тет-а-тет.

Каган повёл его в подсобку. Там пахло солёными огурцами (дефицит, неслыханная роскошь в блокаду) и дешёвым махорочным дымом. Стол, два стула, железная печка-буржуйка, из которой валил дым прямо в комнату — трубу некуда было выводить. Каган закрыл дверь, жестом предложил сесть.

— Павловск, — сказал Алексей, не садясь. — Ночь на пятнадцатое. Исчез секретер и два стула. Охранник убит. Мне сказали, что вы знаете, кто это сделал.

Каган не дрогнул. Ни мышца на его картофельном лице не шевельнулась. Только глаза — живые, быстрые — метнулись к двери, потом к окну, заложённому мешками с песком.

— Товарищ капитан, вы меня с кем-то путаете. Я человек маленький. Меняю тушёнку на хлеб, хлеб на папиросы. Какие стулья? Какая мебель?

— Я не спрашиваю, торгуете ли вы антиквариатом, — Алексей шагнул ближе. Говорил тихо, почти ласково, так, что Каган непроизвольно отступил к стене. — Я спрашиваю, кто это сделал. Потому что если вы не ответите, я сдам вас в контрразведку как немецкого пособника. А там, Серафим Маркович, не разбираются — маленький вы или большой. Там сразу к стенке.

Каган побледнел. На его лице это выглядело странно — словно картофелялина начала светлеть.

— Я ничего не знаю, — прошептал он.

— Знаете. Иначе я не пришёл бы.

Алексей сел, наконец. Достал папиросу, прикурил от печки. Дым смешался с угарным газом, и на секунду закружилась голова.

— Говорите, Каган. Я уйду. И забуду, что мы виделись.

Каган молчал долго. Так долго, что Алексей уже начал подниматься, собираясь уходить. Тогда торговец выдохнул — шумно, с присвистом — и заговорил.

— В городе есть люди. Они берут заказы. Находят вещи, вывозят. А потом переправляют за линию фронта. Немцы платят золотом. Хорошо платят.

— Кто эти люди?

— Не знаю имён. Знаю клички. Главный — Глеб. Он из бывших. Служил, потом уволился. Работает на себя.

Алексей внутренне напрягся. Глеб. Он знал эту кличку по нескольким делам. В деле о янтарном реванше Глеб был связным между ленинградскими перекупщиками и немецкими агентами. В деле о браслете для Анастасии — наёмником, который убрал трёх свидетелей. В «Бисквитном вальсе» Глеб передавал чернильницу через линию фронта. И каждый раз уходил от ответственности. Как будто кто-то прикрывал его сверху.

— Глеб заказал секретер? — спросил Алексей.

— Не он. Ему заказали. Сказали — найти павловскую мебель. Секретер и два стула. Немцы заплатили аванс. Глеб взялся. Он всегда берётся за такое. Особенное, необычное. Обычную мебель он не возит. А эту — да. Потому что внутри что-то есть.

— Откуда вы знаете про «внутри»?

Каган усмехнулся, обнажив редкие жёлтые зубы.

— Товарищ капитан, я двадцать лет на этом рынке. Я слышу такие вещи, которые вам и не снились. Про этот секретер говорят, что там тайник. Павел Первый что-то спрятал. Англичане тогда за ним охотились, сразу после убийства. И сейчас охотятся. Глеб — не сам по себе. За ним кто-то стоит. Из Лондона. Или из... — Каган запнулся, понизил голос до шёпота. — Или из тех, кто выше.

— Выше кого?

— Выше НКВД. Есть такие. Я их называю «Комитет». Они не светятся, не попадают в сводки. Но если они сказали — Глеб делает.

Алексей замер. «Комитет». То же слово всплывало в деле о чернильнице. В материалах, которые ему показывали только для ознакомления, с грифом «Хранить вечно». Он тогда не придавал значения. А зря.

— Где секретер сейчас?

— Ушла. Вчера ночью, на машине. В сторону Шлиссельбурга. Дальше — не знаю. Может, через лёд переправили. Может, в город вернули.

— А кто заказал? Конкретные фамилии?

Каган замялся. Посмотрел на дверь, потом на Алексея. Взял со стола кружку, отхлебнул — чай, жидкий, почти без заварки.

— Есть одна женщина. Старая. Княгиня. Живёт на Васильевском. Оболенская-Трубецкая. Она знает про эту мебель больше всех. Глеб к ней приходил. Спрашивал про ключ.

— Какой ключ?

— Ключ от секретера. Или от чего-то внутри. Я не знаю. Я маленький человек. Я меняю тушёнку на хлеб.

Каган снова замялся, потом добавил тихо, почти не разжимая губ:

— Только вы ей не говорите, что это я сказал. Она меня убьёт. Не своими руками, но убьёт. У неё связи.

— Какие связи?

— С теми, кто выше НКВД. С «Комитетом». Она из их мира. Из дореволюционного. Они друг друга знают.

Алексей замер. Выше НКВД. «Комитет». Дореволюционные связи. Это уже не в первый раз. В деле № 47-А всплывали «люди из Москвы». В деле № 47-И — «группа товарищей». Теперь — снова.

— Адрес, — сказал он.

Каган назвал. Улица, дом, квартира. Алексей записал в блокнот.

— Если вы врётё, Каган, я вернусь.

— Не вру. Но вы её не найдёте. Она прячется. Глеб искал — не нашёл.

— Я найду.

Алексей поднялся. Надел перчатки, застегнул шинель. Каган стоял у стены, не двигаясь, только провожал его взглядом.

— Товарищ капитан, — сказал он на прощание. — Будьте осторожны. Глеб — опасный человек. Если узнает, что вы на него вышли, — убьёт. Не задумается.

— Я не задумываюсь тоже, — ответил Алексей. — У нас война.

Он вышел из подсобки, прошёл через тёмный зал рынка. Люди расступались перед ним — кто из страха, кто из уважения. У входа его окликнули:

— Капитан!

Он обернулся. Каган стоял в дверях, сжимая в руке засаленную кепку.

— Секретер этот... говорят, там внутри что-то спрятано. Павел Первый лично прятал. Что-то ценное. Не деньги. Не золото. Поважнее. Немцы не за мебелью охотятся — за тем, что внутри.

— Что внутри? — спросил Алексей.

— Никто не знает. Даже Глеб. Поэтому он и ищет княгиню. Она единственная, кто видел это своими глазами. В 1918 году, когда во дворце национализировали. Она была девчонкой, помогала отцу разбирать вещи. И нашла тайник.

— И что там было?

— Не сказала. Сказала только — «это не для чужих глаз». С тех пор хранит тайну. Умерла бы, но не рассказала.

Алексей кивнул.

— Спасибо, Каган. Если информация подтвердится — получите паёк. Если нет — петля.

Он вышел на улицу. Мороз ударил в лицо. Снег перестал, но ветер усилился, гнал позёмку вдоль Лиговского. Алексей закурил — папиросы кончились, пришлось сворачивать самокрутку из махорки, отсыревшей, горькой. Дым обжёг горло.

Он пошёл к машине, и по дороге мысли роились в голове, как осенние мухи.

Глеб. «Комитет». Княгиня с тайной. Секретер Павла Первого, внутри которого что-то спрятано. Всё это было связано. Ниточка тянулась из 1801 года через 1918-й в 1942-й. И он, Алексей Ухтомский, должен был распутать этот клубок.

Но зачем? Почему именно ему? Вопрос остался без ответа.

Он вспомнил своё дело № 47-А. Фарфоровый голод. Тогда он тоже думал, что близок к разгадке. А потом пришёл приказ сверху — забыть. И он забыл. На время. Но память вернулась.

Сейчас — то же самое. Та же структура. Те же имена. И тот же страх, который внушали те, кто стоял за кулисами.

«Комитет».

Алексей выбросил самокрутку в снег и ускорил шаг.

Ёж дремал за рулём. Увидел капитана — встрепенулся.

— Куда теперь, товарищ капитан?

— На Васильевский, — сказал Алексей, открывая дверцу. — Найдём одну княгиню.

Ёж хмыкнул, но ничего не сказал. Полуторка чихнула, завелась и поползла по обледенелой мостовой.

Алексей смотрел в окно на серые стены, на заклеенные крест-накрест окна, на людей, волокущих сани с трупами. Блокада продолжалась. Голод убивал тысячи. А кто-то в этом аду охотился за старинной мебелью и тайнами давно умершего императора.

Он не понимал этого. Но знал одно: если секретер попадёт к немцам, если внутри действительно то, о чём шепчутся на чёрном рынке, — это может стоить стране не меньше, чем проигранное сражение.

Машина свернула на Невский. Впереди, в дымке, угадывался шпиль Адмиралтейства.

Алексей закрыл глаза.

Княгиня Оболенская-Трубецкая. Единственная, кто видел тайник своими глазами.

Он найдёт её.

Даже если для этого придётся перевернуть весь осаждённый город.

ГЛАВА 3. «Старая княгиня»

Время: 17 января 1942 года, 11:00

Место: Ленинград, Василеостровский район, коммунальная квартира

Блокада | Алексей Ухтомский

Васильевский остров в январе сорок второго напоминал кладбище.

Не потому, что здесь было больше трупов, чем в других районах. Статистика смертей в блокаду не знала географических предпочтений — люди умирали везде, каждый день, каждый час. Просто архитектура — строгая, петербургская, с фасадами, помнящими ещё времена Анны Иоанновны — придавала умиранию особую торжественность. Дома здесь не просто пустовали. Они ждали. Чего — никто не знал.

Алексей оставил машину у Румянцевского сквера, дальше пошёл пешком. Адрес, который дал Каган, привёл его к пятиэтажному доходному дому конца девятнадцатого века — типичная петербургская постройка с внутренним двором-колодцем, аркой и грязными подъездами. В мирное время здесь жили чиновники среднего звена, врачи, учителя. Сейчас — те, кто не успел эвакуироваться или не захотел.

Парадная была заколочена досками — видимо, снаряд пробил крышу ещё в сентябре, и вход завалило штукатуркой. Пришлось идти через двор, перешагивая через груды битого кирпича и замёрзшие лужи нечистот. Снег здесь не убирали — некому было. Остеклённые галереи второго этажа зияли пустыми проёмами, похожими на глазницы черепа.

Чёрный ход нашёлся с тыльной стороны — узкая дверь с облупившейся краской. Алексей потянул ржавую ручку — поддалась.

Квартира находилась на четвёртом этаже. Лестница была тёмной — ни одного работающего фонаря, только редкие коптилки на площадках, оставленные жильцами. Ступени обледенели — кто-то пролил воду, и она замёрзла, превратив подъём в полосу препятствий. Алексей поднимался медленно, держась за перила. На третьем этаже из-за двери донёсся детский плач — тихий, безнадежный, не истеричный, какой бывает, когда человек уже смирился со смертью.

Пахло мочой, кислой капустой и ещё чем-то сладковато-тошнотворным — запахом, который Алексей научился узнавать за месяцы блокады. Так пахло человеческое тело, когда оно начинало умирать от голода, но ещё не умерло. Этот запах был везде — в парадных, в квартирах, на улицах, в трамваях. Он стал таким же привычным, как утренний обстрел или хлебная карточка.

Дверь в квартиру была приоткрыта. Он толкнул её — та со скрипом поддалась, и в лицо ударил ещё один запах — валерьянка, настойка пустырника и старость. Смесь, которая сопровождает людей, доживающих последние дни.

Внутри оказалась коммуналка. Длинный тёмный коридор, обклеенный газетами вместо обоев — «Правда», «Известия», ещё какие-то дореволюционные листки, пожелтевшие от времени. На стенах — вешалка с несколькими пальто, выдавшими лучшие времена. На полу — половики, вытканые ещё бабушкой нынешних жильцов. Из-за трёх дверей не доносилось ни звука — пусто. Из-за четвёртой — слабый свет и шумное, прерывистое дыхание.

Алексей постучал. Дверь чуть приоткрылась, и в щели показалось лицо — другое, не то, которое он искал. Женщина лет пятидесяти, опухшая от дистрофии, с белыми, как снег, волосами.

— Вы к кому? — спросила она. Голос безжизненный, как у сомнамбулы.

— К княгине Оболенской-Трубецкой.

— Княгини больше нет. Умерла вчера.

Алексей почувствовал, как внутри всё оборвалось. Опоздал. На сутки.

— Впустите, — сказал он, показывая удостоверение. — Осмотреть комнату.
Женщина посторонилась.

Комната княгини оказалась в конце коридора, там, где когда-то была ванная — хозяева переделали её под жильё ещё до войны. Маленькое помещение, метра три на четыре. Печка-буржуйка, выложенная из красного кирпича, прогорела до дыр. Кровать с железной спинкой, застеленная старыми одеялами — не меньше пяти слоёв. Стол, покрытый клеёнкой. На столе — коптилка из гильзы, два стакана, горсть сухарей, банка с мутной жидкостью. Этажерка с книгами — дореволюционные издания в кожаных переплётах. Екатерина, Павел, Александр, исторические труды Карамзина и Соловьёва.

И на кровати — тело.

Княгиня лежала на спине, с закрытыми глазами. Руки сложены на груди, как у покойницы. Но Алексей заметил, что одеяло чуть вздымается — она дышала. Жива.

— Она не умерла, — сказал он женщине.

Та равнодушно пожала плечами.

— Сегодня умрёт. Я видела таких. Отекла уже. Сейчас лопнет сердце.

— Выйдите.

Женщина вышла без возражений. Ей было всё равно.

Алексей присел на край кровати. Княгиня открыла глаза — медленно, с трудом, как ныряльщик, поднимающийся из глубины. Зрачки были расширены, взгляд блуждающий — голод и кислородное голодание делали своё дело. Но в глубине теплился огонь.

— Вы из милиции? — спросила княгиня. Голос — скрип несмазанной петли. — Или из тех, кто ищет мебель?

— Из тех, кто ищет правду, — ответил Алексей. Он не стал садиться — стоял у двери, сняв шапку. — Капитан Ухтомский. НКВД.

Княгиня усмехнулась. На миг она показалась моложе — усмешка была не старушечьей, а девичьей, озорной. Словно на секунду вернулась в прошлое, в тот мир, где не было блокады, голода и смерти.

— НКВД? Пришли арестовывать умирающую? Или просто посмотреть, как я умираю?

— Ни то, ни другое. Мне нужна информация о секретере Павла Первого, который пропал из Павловска три дня назад.

Княгиня замолчала. Долго смотрела на Алексея. Потом перевела взгляд на окно — заклеенное крест-накрест, сквозь щели сочился мутный зимний свет. На подоконнике лежала горсть замёрзших ягод рябины — еда, которую не следовало есть, но которую ели.

— Сядьте, — сказала она. — Не стойте столбом. Я не кусаюсь. Уже нет сил.

Алексей сел на табурет у стола. Княгиня закашлялась — глухо, надрывно, в кулак. Когда убрала руку, на губах осталась кровь. Кашель долго не проходил — минуту, две. Алексей ждал.

— Секретер, — сказала она, отдышавшись. — Вы знаете, что там внутри?

— Расскажите.

— Письма. Павел писал их жене в последние месяцы. Восемь писем. Все — с именами заговорщиков. Пален, Беннигсен, Зубовы и ещё двое, которых Павел не успел назвать. Он узнал о них за три дня до смерти. Я знаю имена. Но не скажу.

— Почему?

— Потому что они мертвы уже сто лет. Какая разница?

— А что ещё? Каган сказал — не только письма.

Княгиня снова усмехнулась. На этот раз усмешка была горькой, почти злой.

— Каган... торгаш. Продаст бы родную мать за банку тушёнки. Ему нельзя верить. Но в одном он прав — в секретере было не только это. Мой отец, когда открыл тайник, нашёл там шкатулку. И в шкатулке — две вещи. Письма и маленький перстень. С зелёной печаткой.

Алексей внутренне напрягся. Перстень. В деле № 47-И, с браслетом Анастасии, тоже всплывал перстень. Тот самый, который Павел показывал Горичу. С печаткой в виде ветки полыни и буквой «Р».

— Что было на печатке?

— Ветка полыни. И буква «Р». Павел. Это был его личный знак. Ключ к шифру. И к машине.

— К какой машине?

Княгиня замолчала. Долго. Так долго, что Алексей подумал — она ушла в забытье. Но нет. Она собиралась с силами, как пловец перед прыжком.

— В восемнадцатом году, когда отец открыл тайник, он показал мне перстень. Сказал: «Запомни, дочка. Это не просто украшение. Это ключ. Павел спрятал не только письма. Он спрятал чертёж. Машину, которая шифрует письма так, что никто не прочитает без этого перстня. Англичане тогда уже пытались его украсть. И сейчас пытаются».

— Где чертёж?

— В секретере. Под двойным дном. Его не видно. Отец случайно нашёл, когда отвинтил ножку — она была полый. Внутри — трубка с ватманом. Он вытащил, посмотрел, испугался и положил обратно. Сказал: «Это не нам. Это государству. Но государству нельзя — потому что государство — это они».

— Кто — они?

— Те, кто убил Павла. И расстрелял отца. Те, кто сидит сейчас в Москве и командует. Я не знаю имён. Но знаю, что они есть.

Алексей почувствовал холод. Не от мороза — от понимания. Он влезал в историю, которая была больше него. В игру, где ставки — судьба страны.

— А ключ? — спросил он. — Вы сказали, ключ на стуле.

— Не на стуле. В стуле. Один из гарнитура — резной. На нижней перекладине вырезан шифр. Тот, кто знает, как читать, — поймёт, как открыть тайник без ключа. Павел был параноиком. Он боялся, что его убьют, а ключ украдут. Поэтому сделал так, чтобы секретер можно было открыть и без ключа — если знать шифр.

— Гарнитура было три стула. Два пропали вместе с секретером.

— А третий?

— Третий в Эрмитаже. Я его видел.

Княгиня оживилась. Приподнялась на подушках, закашлялась снова. Кровь брызнула на одеяло. Она не обратила внимания.

— Тогда вы ещё успеете. На третьем стуле — шифр. Снимите копию. Расшифруйте. И вы поймёте, как открыть тайник. Только поторопитесь. Глеб тоже ищет.

— Почему вы не обратились в милицию? В НКВД?

— А вы бы на моём месте обратились? — усмехнулась княгиня. — После того, как вашего отца расстреляли чекисты? Нет, молодой человек. Я ждала. Ждала того, кто придёт и спросит по-человечески. Вы первый.

— Я не по-человечески. Я по долгу.

— Какая разница? Главное — пришли.

Княгиня закрыла глаза. Дыхание стало прерывистым, редким — вдох, задержка, выдох. Алексей понял — она уходит. Минуты.

— Ключ, — прошептала она. — Ищите ключ на стуле. Спасите секретер. Не дайте англичанам. Ради России. Ради Павла. Он был безумен, но любил страну. Больше, чем они все. Там не только история. Там оружие. Оружие, которое страшнее пушек.

— Я вернусь, — сказал он. — Я найду секретер.

— Не обещайте, — прошептала княгиня. — Обещают только те, кто не уверен.

Она замолчала. Глаза закрылись. Грудная клетка перестала подниматься.

Алексей посидел минуту, другую. Проверил пульс — нити. Смерть пришла тихо, без агонии, просто забрала своё.

Он поднялся. Оглядел комнату. На этажерке, среди книг, стояла фотография в рамке — мужчина в офицерском мундире, женщина в шляпке, и девчушка лет пятнадцати. Княгиня. Та самая, которая в 1918 году помогала отцу открывать тайник Павла I.

Алексей снял фотографию, сунул во внутренний карман шинели. Улика. Или память.

На выходе из комнаты его окликнула соседка — та самая, с белыми волосами.

— Умерла?

— Да.

— Я же говорила. Похороните?

— Похоронят.

Он не знал, кто её похоронит. Может, санитары. Может, сама соседка — за её хлебную карточку. В блокаду мёртвые были таким же товаром, как живые.

Алексей вышел на улицу. Мороз ударил в лицо. Он закурил — папиросы кончились, пришлось сворачивать самокрутку из махорки. Руки дрожали — не от холода.

Оружие. Павел спрятал оружие. И это оружие почти двести лет ищут английские шпионы. А теперь — ещё и немецкие, потому что Глеб продал секретер и тем, и другим.

«Ключ на стуле», — сказала княгиня.

У него был третий стул. В Эрмитаже.

Он знал, куда ехать.

Алексей кивнул своим мыслям, затушил самокрутку о стену и зашагал к машине. Ежу предстоял долгий разговор о том, как попасть в фондохранилище Эрмитажа в военное время.

ГЛАВА 4. «Стул из Эрмитажа»

Время: 18 января 1942 года, 09:00

Место: Ленинград, Эрмитаж, фондохранилище

Блокада | Алексей Ухтомский

Эрмитаж в январе сорок второго был похож на гигантский склеп.

Гулкие залы, в которых когда-то гремела музыка и шелестели платья придворных, теперь пустовали. Окна заколочены фанерой, стены промёрзли до состояния каменных глыб. Вдоль коридоров — ящики с эвакуированными ценностями. Те, что не успели вывезти, лежали здесь, в ожидании неизвестности. Сотрудники музея — горстка истощённых людей в потрёпанной одежде — передвигались по залам как тени. Они не охраняли экспонаты в обычном смысле этого слова. Они просто были рядом с ними. Присутствовали. Свидетельствовали.

Алексей приехал на Дворцовую площадь в восемь утра. Мороз был под тридцать, ветер дул с Невы, и площадь казалась бескрайним белым полем. Александровская колонна торчала из сугроба как памятник другой эпохе — эпохе, когда люди не мёрзли в собственных квартирах и не умирали от голода на ходу.

Ему пришлось звонить в Смольный, брать бумагу с печатью, убеждать вахтёра, что он не мародёр. Без бумаги его бы не пустили — в Эрмитаже оставалось всего несколько десятков сотрудников, и они охраняли оставшееся имущество с такой яростью, будто речь шла о собственных жизнях. Алексей их понимал. Когда рушится всё вокруг, единственное, что остаётся — это вещи. Немые свидетели того, что было.

Вахтёр, старик с эрмитажным значком на лацкане потёртой тужурки, долго изучал удостоверение. Фамилию его Алексей так и не разобрал — старик назвался просто «Иваныч», и этого было достаточно. Лет ему было за семьдесят, но держался он прямо, не сутулился. Из тех, кто работал здесь ещё при Николае Втором.

— Капитан Ухтомский, — прочитал он вслух. — НКВД. А вам что здесь нужно?

— Стул, — ответил Алексей. — Один стул. Из павловского гарнитура. Он у вас в фондах.

Старик усмехнулся в усы. Усы были седые, густые, пахнущие табаком.

— У нас много стульев. Тысячи. Стульев, кресел, табуретов, банкеток. Конкретнее можно?

— Тот, который из Павловска. Подарок Павла Первого жене, Марии Фёдоровне. Тёмное дерево, резные ножки, золочёная розетка на спинке. Гарнитура — секретер и три стула. Два стула украли три дня назад из Павловского дворца. Третий, по документам, у вас.

Старик кивнул. Он знал, о чём речь. В его глазах мелькнуло что-то — то ли узнавание, то ли тревога.

— Павловский гарнитура. Восемнадцатый век. Опись 1938 года. Я помню. Мы его принимали, когда из Павловска привезли. Стоял в Восточной галерее до войны. А в сорок первом спустили в фонды. Идите за мной.

Он повёл Алексея через анфиладу пустых залов. Шаги гулко отдавались от высоких потолков. В воздухе пахло пылью, мышами и ещё чем-то химическим — камфора, которую сотрудники использовали для защиты мебели от жучков. В Павильонном зале, где когда-то стояли часы «Павлин», сейчас зияла пустота. Часы вывезли в тыл, в Свердловск, вместе с другими сокровищами. Остались только следы на паркете.

— Страшно здесь, — сказал Алексей, оглядываясь.

— Не страшно, — ответил старик. — Пусто. Пустота страшнее. Раньше, бывало, придёшь утром, а здесь — жизнь. Экскурсии, студенты, иностранцы. А теперь — только мы и крысы.

Фондохранилище размещалось в подвале. Война заставила спустить всё, что можно, ниже уровня земли — чтобы уберечь от бомбёжек и снарядов. Сюда вели крутые лестницы, обледенелые ступени, ржавые перила. Здесь, в полумраке, за металлическими стеллажами, стояли тысячи экспонатов. Картины, свёрнутые в рулоны. Скульптуры, завёрнутые в войлок. Мебель, сложенная штабелями до самого потолка. Всё это жило своей подземной жизнью — без света, без воздуха, без людей.

— Стойте здесь, — сказал старик. — Я поищу опись. Номер я помню, но где именно стоит — не скажу. У нас тут свои порядки.

Он ушёл в глубину, шаркая тапками по бетонному полу. Алексей остался один.

Он прошёлся вдоль стеллажей, рассматривая этикетки. «Голландия, XVII век», «Франция, XVIII век», «Россия, XIX век». Мировая история была свалена здесь, в подвале, как ненужный хлам. Война всё уравнила. Стол Екатерины Великой соседствовал с табуреткой из рабочего кабинета Ленина. Империи пали, а вещи остались.

Мысли вернулись к княгине. Её лицо — измождённое, с провалившимися щеками и горящими глазами. «Там не только история. Там оружие». Что она имела в виду? Какое оружие мог спрятать Павел Первый в секретере? Пистолет? Шпагу? Или что-то другое, более страшное?

Вспомнилось дело № 47-А. Фарфоровый голод. Тогда тоже говорили об оружии. О яде, который хранился в чернильнице. Яд нашли. Уничтожили. Но чернильница была пустой. А здесь — секретер, письма, перстень, какой-то чертёж. Связь прослеживалась, но какая — Алексей пока не понимал.

— Нашёл, — раздался голос старика из-за угла. — Идите сюда.

Стул стоял в дальнем конце хранилища, прикрытый мешковиной. Старик сдёрнул ткань — и Алексей увидел его.

Тёмное дерево, резные ножки в виде львиных лап, высокая спинка с золочёной розеткой. Обивка — шёлк, выцветший до серости, кое-где прорванный. В центре спинки — вензель Павла Первого, вензель Марии Фёдоровны, переплетённые инициалы под короной. Та же работа, что и в Павловске. Тот же мастер, тот же год, то же предназначение.

— Он, — сказал Алексей. — Тот самый.

Он опустился на корточки, осмотрел нижнюю перекладину. Княгиня говорила — шифр там, внизу, где не видно, где глаз случайного человека не заметит. Он провёл пальцами по дереву. Гладко. Ничего. Потом провёл ещё раз, сильнее, ощупывая каждую неровность.

— Свет нужен, — сказал он старику. — Есть что-нибудь поярче?

Старик принёс керосиновую лампу — единственный источник света в подвале. Обычно здесь горели электрические лампочки, но война отняла электричество. Лампу берегли — керосин был на вес золота.

Алексей направил свет на перекладину под определённым углом, так, чтобы лучи скользили по поверхности, а не били прямо. И увидел.

Под слоём пыли и старого лака проступали линии. Не трещины. Не царапины. Вязь. Замысловатые переплетения букв, цифр, знаков. Кто-то вырезал это острой иглой — аккуратно, почти незаметно, так, что только под определённым углом и при хорошем освещении можно было разобрать. Мастер, делавший эту резьбу, знал, что его работа не для всех.

— Что это? — спросил старик, наклоняясь.

— Ключ, — ответил Алексей. — Ключ к тайнику Павла Первого.

Он достал блокнот, начал перерисовывать. Рука дрожала — не от холода, от напряжения. Шифр был сложным. Не просто буквы — комбинация кириллицы и латиницы. Цифры, которые не складывались в даты. Геометрические символы — круги, квадраты, треугольники, вписанные друг в друга. В центре всей композиции — что-то похожее на план.

— Это не просто шифр, — сказал он через десять минут напряжённой работы. — Это схема. План помещения. Круглая комната, прямоугольная ниша, вот здесь — дверь.

— Какого помещения?

— Часовни. Часовни Михайловского замка.

Старик подошёл ближе, присмотрелся к блокноту. На его лице отразилось узнавание.

— Михайловский замок, — повторил он. — Там сейчас руины. После революции казармы были, потом склад. Часовня, говорят, заложена кирпичом ещё при Александре Первом.

— Часовня есть, — ответил Алексей. — Я видел планы Баженова. Внутри замка, в восточном крыле, на втором этаже. Сейчас она заложена, но не уничтожена. Существует.

Он закончил перерисовку. Проверил — все знаки на месте, линии сходятся, пропорции соблюдены. Потом достал из кармана княгинину фотографию — ту, что взял с этажерки после её смерти. На обороте, мелкими, почти невидимыми буквами, было написано: «Тайна в часовне. Кто закажет обедню — тот откроет врата».

— Вот оно, — сказал он, показывая старику. — Сходится. Текст с фотографии и шифр на стуле — одно и то же. Только на стуле — план, а на фотографии — подсказка.

Старик покачал головой. В его глазах зажглось что-то — может быть, профессиональное любопытство, может быть, страх.

— Что там, в этой часовне? — спросил он тихо.

— Не знаю. Но Глеб ищет. И немцы ищут. И «Комитет» ищет. Значит, что-то важное. Настолько важное, что за ним охотятся почти полтора века.

Алексей сложил рисунок, убрал в блокнот. Потом снова посмотрел на стул.

— Можно его забрать? — спросил он.

— Нельзя, — твёрдо ответил старик. — Он музейный. Учтен. Под описью. Если пропадёт — меня расстреляют. Не вы, так свои.

— Его могут украсть. Как те два из Павловска. У вас здесь охрана?

— Охрана — я. И ещё двое таких же стариков. Мы не охраняем, мы присутствуем. Вы думаете, если придут люди с оружием, мы сможем их остановить?

Алексей задумался. Старик прав. Воровать музейные ценности в блокадном Ленинграде — дело нехитрое. Охраны нет, милиция занята трупами и мародёрами, НКВД — диверсантами. Кто заметит пропажу одного стула?

— Тогда дайте мне его сфотографировать, — сказал Алексей. — И сделайте копию описи. Я вернусь за ним, когда понадобится.

Старик кивнул. У него в углу, в железном шкафу, хранился допотопный фотоаппарат «ФЭД». Он принёс его, зарядил плёнку. Алексей сам сфотографировал стул — спереди, сзади, снизу, особо крупно — перекладину с шифром.

— Только проявить негде, — сказал старик. — Химии нет.

— Я проявлю. У меня в Смольном есть лаборатория.

Они упаковали стул обратно в мешковину, задвинули на место. Старик написал расписку — капитан Ухтомский осмотрел экспонат № 734, произвёл фотофиксацию, экспонат не изымался. Алексей подписал.

На выходе из подвала он обернулся.

— Иваныч, — сказал он. — Вы здесь давно работаете?

— С 1910 года.

— Помните 1918-й? Национализацию?

Старик усмехнулся.

— Помню. Я тогда молодым был. Приходили чекисты, описывали имущество. Один из них, молодой такой, в кожанке, спросил: «Где золото Романовых?» Я ему говорю: «Какое золото? Тут культура, а не золото». Он меня чуть не расстрелял.

— А про павловский гарнитур ничего не слышали?

— Слышал. Говорили, в одном из стульев тайник. Но где — никто не знал. Вы первый, кто пришёл и показал, где этот шифр.

Алексей кивнул. Поблагодарил. Вышел на улицу.

Мороз ударил в лицо. Еж ждал в машине, спал, укутавшись в тулуп.

— Куда теперь? — спросил он, проснувшись.

— В Смольный. Но сначала — сделаем крюк.

— Какой?

— Михайловский замок. Посмотрим на часовню.

Ёж хмыкнул.

— Там сейчас руины, товарищ капитан. И холодно. И опасно — стены падают.

— Значит, посмотрим издали.

Машина тронулась. Алексей смотрел в окно на замёрзший Ленинград и думал о том, что скажет Глухову. И скажет ли вообще.

«Тайна в часовне. Кто закажет обедню — тот откроет врата».

Он не знал, что это значит. Но знал, что должен узнать.

ГЛАВА 5. «Последний

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.